

НЕ ОХЛѢВЪ ЕДИНОМЪ
БЪДЕТЪ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ.

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ.

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СВ. СВЯТЫХ ПЕРВЫХ
ВОЛОГДСКАХЪ ЧЛЕНОВЪ.

← СПАСА →

СВ. СТЕФАНА
СВЯТЫХЪ ПЕРМОКІИ

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 и.

№ 33
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Терпѣніе.—На пути въ объятія Отчи (Изъ дневника инокъ).—
Великія скорби Царя и—чѣмъ мы можемъ утѣшить Его? Священника Нико-
лая Коноплева.—Сила Божія и немощь человѣческая Изъ записокъ игумена
Феодосія о самомъ себѣ. Сергія Нилуса—На добрую память о добромъ
старцѣ. Димитрій Максимовичъ.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО**

ТЕРПѢНІЕ.

Невозможно-де терпѣть?—Отвѣтъ: по водамъ ходить, и по воздуху летать невозможно, и проч.; но терпѣть возможно. Когда болѣзнь тѣло мучить, терпишь; когда лѣкаръ жестокимъ и противнымъ лѣкарствомъ лѣчить,—терпишь; и прочее все терпишь, хотя и не хочешь. Видишь, что можно терпѣть. Лучше убо признаться, что не хочешь, а не не можешь. Отложи убо нехотѣніе, и будетъ возможно. Хотящему все возможно, наипаче съ помощію Іисуса, все претерпѣвшаго ради насъ. Лучше убо во всемъ, что ни приключится противное, отдаваться на волю Божию, безъ которой ничего не бываетъ; и тое терпѣть безъ негодованія, роптанія и съ хотѣніемъ, нежели безъ хотѣнія и съ негодованіемъ. Ибо оное дѣло есть дѣло послушанія, покоренія и добродѣтели; сіе есть непослушанія, непокоренія и порока. Оное есть—духа, покоряющагося воли Господа своего; сіе есть противящагося. Вѣрнаго раба Божія есть—и полагать въ себѣ и говорить тако: что хочетъ Богъ мой, хошу и я. Хочетъ мнѣ въ болѣзни быть, хошу и я; хочетъ мнѣ въ нищетѣ быть, хошу и я; хочетъ мнѣ безславіе терпѣть, хошу и я; хочетъ мнѣ въ темницѣ, или въ заточеніи быть, или умереть, хошу и я; приключилося мнѣ тое, претерплю: буди воля Господня. Онъ мнѣ сію чашу далъ: испію ее, данную отъ Него.—Но притомъ знай, что хотя и хотѣнія твоего не будетъ, и роптать будешь, однакожь будешь пить, но съ большею горестію, и безъ всякой твоей пользы. Богъ, Который полагаетъ крестъ, Тотъ и помогаетъ намъ носить крестъ. Но помогаетъ соизволяющимъ и хотящимъ и повинующимся, а отъ ропшущихъ отходитъ, и тако сугуба имъ бываетъ тягость. Да глаголемъ убо и мы, возлюбленне, и да поемъ въ злключеніи, что пѣлъ пророкъ святой: готово сердце мое, Боже, готово сердце мое. Сіе бо есть знаменіе истиннаго Израильтянина и чада Авраамля по духу, а не по плоти: быть готову на все, что Богъ ни повелитъ.

Изъ писемъ Святителя Тихона Задонскаго.

На пути въ объятія Отчи.

Изъ дневника инокa

(Продолженіе).

9 Февраля. Если сомнѣнія до того омрачили дуню хрістіанина, что онъ становится въ положеніе отчаявшагося язычника предъ Рождествомъ Хрїстовымъ, въ состояніе отвращенія ко всему,— то что тогда можетъ извести его дуню изъ мрачнаго ада? Сама же душа, если она прислушается къ замирающему въ ней въ это время голосу истины. Если жажда правды, стремленіе къ истинѣ— еще не заглушено, то душа не можетъ оставаться въ этомъ противоестественномъ ей состояніи. Эта жажда правды, какъ потухающая вечерняя заря, напомнитъ омраченной душѣ о предшествовавшемъ ей свѣтломъ, ясномъ днѣ истины. Послѣ долгаго плаванья по волнамъ безутѣшнаго сомнѣнія, въ сердце, откуда ни возмись, проникнуть тихія радости невиннаго дѣтства, навѣяныя въ нашу впечатлительную душу красотами природы или ласками любви окружавшихъ насъ въ дѣтствѣ. Эта то непотухающая (кажется) при всякомъ сомнѣніи искра истины, красоты и любви и спасаетъ отъ паденія въ безутѣшную, мрачную, головокружительную бездну сомнѣнія. Омраченная и истерзанная душа стремится къ этому свѣточу правды и плачетъ, какъ плачетъ путникъ, умирающій въ бесплодной, безлюдной пустынѣ, вспоминая о своемъ миломъ отечествѣ. Благо тому, кто сохранилъ въ своей душѣ этотъ „свѣточъ правды“—исканіе истины, красоты и добра, — если онъ прислушивается къ воплю своей души во время сомнѣній, онъ будетъ изведенъ изъ ада.

Отсюда—какъ важно развивать въ дѣтствѣ заложенные Самимъ Творцомъ сѣмена истины, красоты и любви! Пустивъ корни въ дѣтствѣ, они не дадутъ изсохнуть въ сомнѣніяхъ душѣ, а оживятъ ее, когда она обратится внутрь себя къ нимъ.

18 Февраля. (Вторникъ 1-й нед. Вел. поста). Вся недѣля масляницы прошла у меня въ размышленіяхъ по поводу читаннаго. Главнымъ образомъ мысль сосредоточивалась на уясненіи заповѣди о любви, ея духа и разумнаго основанія. Начатое мною въ это время чтеніе Апостольскихъ посланій служило источникомъ размышленій. Какія глубоко назидательныя истины начинаютъ теперь открываться въ словѣ Божіемъ, которыхъ прежде я не замѣчалъ, вслѣдствіе этого самое чтеніе Апостольскихъ посланій (начатыхъ мною тогда) доставляетъ удовольствіе. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, начинаешь видѣть себя и находить отвѣты на тревожащіе тебя вопросы. Во время чтенія и размышленія душа умиротворяется и исполняется иногда невѣдомой доселѣ радости, находя источникъ воды живой, утоляющій ея жажду.

Не мало за эту недѣлю я останавливала свои мысли и на волнующемъ въ наше время умы Л. Н. Толстомъ (въ это время я читалъ его сочиненіе „Анна Каренина“). Прочитанныя выдержки изъ его „Исповѣди“ (по сочиненію А. Ф. Гусева) вѣроятно сильно повліяли на меня: вотъ ужъ 3-й, 5-й день я не перестаю не только днемъ, но и ночью во снѣ и во время отдыха размышлять о Толстомъ и по поводу его. Когда я представляю его обольщеннымъ въ своемъ разумѣ (можетъ быть для него самого не замѣтно), и отыскивающимъ всю жизнь свою истину, но все-таки не нашедшимъ ее, то мнѣ кажется, что онъ и теперь не спокоенъ душой, не чувствуетъ того счастья въ своихъ добрыхъ дѣлахъ, которое онъ испыталъ-бы, будучи истиннымъ христіаниномъ. И вотъ доселѣ не оставляетъ меня мысль написать ему письмо, излить иредъ нимъ свою любовь (за что — не знаю, вѣроятно за его „русскій характеръ“, проглядывающій въ его сочиненіяхъ), обратить его ко Христу, открыть ему даръ небесный, блаженство вѣры Христовой, котораго самъ иногда сподобляешься. Господи! обрати его на путь покаянія!

— * * * —

Великія скорби Царя и—чѣмъ можемъ мы утѣшить Его?

Если когда, то нынѣ особенно благопотребна теплая сердечная молитва за Помазанника Божія. Если когда, то нынѣ временно всѣмъ намъ помнить и исполнять завѣщаніе св. Апостола: *молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія... за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (2 Тим. 2, 1—2).

Давно небывалыя, тяжелыя времена переживаетъ наше Отечество. Недавно еще окончилась кровопролитная война на Дальнемъ Востокѣ. Господь не благословилъ, грѣхъ ради нашихъ, нашего оружія браннаго. Но мы не познали вразумляющей насъ десницы Божіей. Внѣшнія бѣдствія печально отразились на внутренней жизни многострадальной Россіи. Они вызвали междоусобія, борьбу страстей, волненія умовъ...

Тяжело стало жить на святой Руси. И тяжесть эта прежде и больше всего отражается въ любвеобильномъ сердцѣ нашего Монарха. Никто изъ насъ не видитъ Его страданій. Никто изъ насъ не слышитъ воплей Его наболѣвшей души. И только время отъ времени царская скорбь отзывается въ сердцахъ Его вѣрно-подданныхъ. Это мы видимъ и читаемъ въ тѣхъ многочисленныхъ адресахъ Царю-Батюшкѣ, въ тѣхъ изъясненіяхъ вѣрно-

подданическихъ чувствъ, которыя служатъ отголоскомъ царской скорби... Бываютъ такіе тяжкіе моменты въ Его жизни, когда Онъ, не находя для Себя земного утѣшенія, призываетъ къ Себѣ духовнаго отца и чрезъ его бесѣды и молитвы ищетъ Себѣ помощи и подкрѣпленія свыше въ Своихъ царственныхъ трудахъ и заботахъ.

Братіе! Окиньте взоромъ все время царствованія Государя нашего Императора Николая Второго,—не покажется ли вамъ все это время сплошь крестonosнымъ, не убѣдитесь ли, что царскій вѣнецъ на Его главѣ есть воистину вѣнецъ терновый?

Вотъ Онъ, еще царственный Наслѣдникъ, у смертнаго одра Своего Родителя. Царь-Миротворецъ передаетъ Свою власть, а вмѣстѣ и тяжелое бремя царскаго правленія, Своему юному Сыну. Чуяло родительское сердце, въ какія тяжелыя времена благословлялъ Онъ холодящею рукою Своего преемника. Съ горькими думами перестававшее биться, прекрасное сердце любовью диктовало предсмертныя завѣщанія Сыну, будущему Царю Россіи. Внимавшій завѣтамъ Своего Родителя, Сынъ съ глубокой думой на челѣ, съ горькими слезами на глазахъ отходилъ отъ одра надвигавшейся смерти. Еще горчайшими слезами оплакалъ Сынъ дорогіе останки горячо любимаго Отца. Слезы эти видѣли не только Его приближенные, но и простые смертные, когда новый Царь возвращался изъ Петропавловскаго собора въ Петербургъ. Предчувствовало юное сердце Царево, сколь тяжелы будутъ для Него бразды правленія необъятной многомилліонной Россіей, и уже въ самомъ началѣ невольно изливалась слезами царская скорбь.

Вотъ Онъ взошелъ на прародительскій наслѣдственный Престолъ и прибылъ въ Свою нѣкогда царелюбивую Москву—сердце Россіи,—для празднованія Своего священнаго Коронованія. Но и эти недолгіе дни царской радости омрачены были страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ на Ходынскомъ полѣ. Тогда уже современники многое прозрѣвали въ этомъ горестномъ событіи, омрачившемъ дни царской радости... Недолго пришлось ждать исполненія печальныхъ предзнаменованій. Царь многократнымъ опытомъ позналъ истину, что тщетна надежда на помощь человѣческую. Онъ возложилъ все Свое упованіе на помощь и милость Божію, потому что только эта надежда не тщетна! Давно уже считалъ Онъ Своимъ покровителемъ и небеснымъ заступникомъ тогда еще мѣстно чтимаго, а нынѣ всей Россіей прославляемаго, великаго угодника преподобнаго Серафима Саровскаго. Вотъ Онъ съ Царицей Своей предпринялъ дальнее путешествіе въ пустыню Саровскую, Самъ несъ на Своихъ царственныхъ раменахъ останки глубоко чтимаго Имъ угодника Божія. Здѣсь, у раки честныхъ мощей его, Онъ почерпалъ Себѣ силы къ несе-

нію многотруднаго креста жизни, который, волею судебъ Божіихъ, долженъ былъ поднять на рамена Свои. Для вѣрующаго сердца тогда еще очевидно было, что великое церковное событіе—прославленіе св. угодника—заключаетъ въ Себѣ какую-то невѣдомую тайну. Вскорѣ и открылась эта тайна—загремѣло оружіе бранное. Тогда ясны стали пути Промысла Божія, руководящіе Помазанникомъ Божіимъ.

Такъ среди обыпедшихъ насъ золь и напастей Благочестивѣйшій Государь нашъ являетъ намъ высокій, достойный подражанія, примѣръ истиннаго хрістіанина. Какъ первый Сынъ св. Православной Церкви, Онъ очами вѣры взираетъ на текущія событія и видитъ въ нихъ проявленіе гнѣва Божія за многіе и великіе грѣхи и беззаконія наши. Смиренно склоняетъ Онъ царственную главу Свою предъ волею Провидѣнія, пути коего часто намъ невѣдомы, но всегда благи и направляются къ нашей пользѣ. Какъ истинный хрістіанинъ, Онъ въ царствѣ человѣческомъ стремится къ устроенію царства Божія. Какъ Отецъ отечества, Онъ говоритъ: „Мнѣ Моя жизнь не дорога: жила бы Россія въ мирѣ, славѣ и благоденствіи!“ И мы вѣруемъ, что Царь, уповающій на Господа, милостію Вышняго не подвижется (Псал. 20, 8).

Но, братіе, внимаемъ-ли мы царскому гласу, зовущему насъ къ устроенію на землѣ царства Божія? Познали-ли мы ту истину, что *если не Господь созиждетъ домъ, напрасно трудятся зиждущіи; если не Господь сохранитъ градъ, напрасно бодрствуетъ стража?* (Пс. 126, 1). Многочисленными печальными опытами убѣдились-ли мы, что намъ не устроить нашей жизни такъ, какъ инымъ хотѣлось-бы, по своимъ измышленіямъ и желаніямъ, ибо въ Божіемъ мірѣ царствуетъ одна только всемогущая десница Божія?..

Среди тяжкихъ испытаній, ниспосланныхъ намъ свыше, теперь, по призыву Царя, совершается у насъ правительственная работа, изыскиваются различныя средства къ преобразованію и улучшенію различныхъ сторонъ государственной и общественной жизни, къ искорененію тѣхъ золь и нестроений, которыя несутъ намъ скорби и несчастія. Присматриваясь и прислушиваясь ко всему тому, что говорится и пишется касательно этихъ преобразованій, не кажется-ли, что при этомъ весьма часто забывается одно главное и существенное, то *единое на потребу*, о чемъ нѣкогда благовѣствовалъ Господь Марѣ, сестрѣ друга своего Лазаря? Все дѣло возрожденія нашего часто полагаютъ въ новыхъ болѣе совершенныхъ порядкахъ общественной жизни, въ новомъ законодательствѣ касательно различныхъ сторонъ государственнаго управленія. При этомъ какъ-бы совершенно забывается самъ человѣкъ, съ его грѣховною природою, съ его страстями и поро-

ками. Но какіе-бы совершенные законы и порядки общественнаго благоустройства ни были придуманы, они не приведуть къ цѣли, если возрожденіе и оздоровленіе человѣка не коснется его внутренней жизни, глубокихъ тайниковъ его духовной природы, по завѣтамъ Евангелія, по закону Христову. Въ постигающихъ насъ непорядкахъ и несчастіяхъ мы склонны бываемъ винить нашихъ ближнихъ. Но не правильнѣе-ли, не лучше-ли находить эту причину въ самихъ себѣ? Не вѣрнѣе-ли будетъ убѣдиться, что Богъ оставилъ насъ въ эти тяжелыя години, ибо мы сами Его оставили? Вѣтхозавѣтный Израиль многократно поражаемъ былъ страданіями и бѣдствіями, и каждый разъ эти несчастія посылались ему свыше для его вразумленія и исправленія, когда онъ забывалъ своего Господа и поклонялся идоламъ. Не переживаемъ-ли мы тяжкія испытанія ради нашего Богозабвенія, крайняго себялюбія и распущенности? Обвиняя другихъ въ постигшихъ насъ несчастіяхъ не подпадаемъ ли мы укору и порицанію Господа нашего Иисуса Христа, въ Его изрѣченіи: „что ты смотришь на сучецъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь?... Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучецъ изъ глаза брата твоего“. (Мѣ. VII, 3. 5)? Не лучше ли поэтому, возрожденіе наше и исправленіе начинать намъ съ самихъ себя?

Въ заботахъ о различныхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ жизни люди жаждутъ одного блага—свободы. Свобода! Какое это дорогое слово, близкое уму и сердцу человѣка! Но предметъ этотъ, насколько вожелѣнный, настолько же и страшный,—добрый и злой, возвышающій и губящій человѣка,—источникъ его доблестей и паденій, благъ и несчастій. Ничто, какъ свобода, не развязываетъ жизни и всѣхъ силъ человѣка, но ничто, какъ свобода, не требуетъ и ограниченій. Свобода не связана: она можетъ какъ обращаться къ добру, такъ и отвращаться отъ него. Но гдѣ и въ чемъ разумная свобода безъ зла? Что дѣлаетъ человѣка истинно свободнымъ? Всѣ эти вопросы разрѣшены гораздо раньше, чѣмъ человѣческіе умы пытались рѣшать ихъ,—разрѣшены положительно для всѣхъ временъ и народовъ, разрѣшены Тѣмъ, Кто пришелъ освободить человѣка. Христосъ Спаситель нашъ изрекъ нѣкогда: *уразумѣйте истину, и истина сделаетъ васъ свободными* (Иоан. 8, 32). Истинная свобода только во Христѣ. Это говоритъ сама Истина. Спаситель нашимъ искупленіемъ и возрожденіемъ положилъ начало нашего внутренняго освобожденія отъ зла; христіанство поставило насъ на прямой путь свободы жизни во свѣтѣ Евангельской истины. Поскольку мы усвоаемъ этотъ свѣтъ Христовой истины умомъ и сердцемъ, постольку и становимся истинно свободными. Отнимите эту христіанскую свободу, и съ человѣчествомъ будетъ тоже, что было во времена до-хри-

стіанскія, когда подъ видомъ свободы развивались самыя низкія страсти, господствовалъ деспотизмъ грубой силы и коварнаго властолюбія.

Итакъ, вотъ гдѣ та истина, которая даетъ человѣку свободу: „если Сынъ (Божій) васъ освободитъ, то вы дѣйствительно будете свободны, и уразумѣете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“. (Іоан. 8, 36).

Обращаясь паки мысленно къ возлюбленному Государю нашему, вмѣстѣ съ Нимъ смиренно преклонимся, братіе, среди обышедшихъ насъ золь и напастей, предъ неисповѣдимыми путями Провидѣнія Божія и будемъ усердно молиться, да ниспошлетъ Ему Господь силу и крѣпость перенести великія испытанія, постигшія наше Отечество, да умудритъ Его въ дѣлѣ преобразованій, которыя, по Его почину, предпринимаются ради всеобщаго блага. *Господи! Спаси Царя, и услыши ны, въ оны-же аще день призовемъ Тя!* (Псал. 19. 10).

Священникъ Николай Коноплевъ.

СНЯЯ БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XXIX.

Съ этого времени моя внутренняя жизнь стала еще суровѣе: ночныя мои молитвы я старался усилить, но вериги продолжать носить уже не могъ—на тѣлѣ сдѣлались язвы, которыя мнѣ не давали возможности продолжать этотъ подвигъ. На службѣ и съ товарищами я по внѣшности не измѣнялъ своихъ отношеній, но въ своемъ домашнемъ, келейномъ, такъ сказать, быту я усердно сталъ стремиться подражать монашескому подвигу: по ночамъ вставалъ на молитву и, случалось, простаивалъ на ней до самой ранней обѣдни, къ которой ходилъ неопустительно каждый день. Кошунственные мысли меня оставили, но за то началось другое.

Однажды, въ полночь, стоя на молитвѣ, я увидалъ сбоку себя темную тѣнь и ясно услышалъ страшный, зловѣщій голосъ:

— „Если ты не перестанешь подвизаться, я много надѣлаю тебѣ неприятностей“...

Жутко мнѣ стало, но я прочиталъ молитву Иисусову и опять продолжалъ молиться. Тѣнь исчезла... Черезъ нѣсколько времени со мной произошло такое страшное приключеніе: дѣло было вечеромъ; по обязанностямъ своей службы, уходя изъ подвала, гдѣ въ чанахъ стоялъ спиртъ, я тщательно осмотрѣлъ чаны, что дѣлалъ ежедневно по окончаніи дневной работы, и все нашелъ въ полной исправности. Утромъ слѣдующаго дня я вмѣстѣ съ бондаремъ вошелъ въ подвалъ и къ великому своему ужасу увидѣлъ, что весь полъ подвала залитъ спиртомъ. Оказалось, что за ночь вытекъ самый большой чанъ, въ которомъ было болѣе 200 ведеръ. На полу—море вина, а чанъ пустой. Я перепугался до полусмерти. Боже мой!—воскликнулъ я: спаси меня!.. Надо было какъ нибудь скрыть происшествіе отъ управляющаго и поторопиться собрать, сколько возможно, спирту, пока еще на дворѣ и въ конторѣ спали. Насосомъ и ливерами мы съ бондаремъ выкачали обратно въ чанъ это разлитое море, полъ усыпали пескомъ, и, казалось, что и слѣдовъ несчастія не осталось. Но на дѣлѣ, когда я сталъ провѣрять утечку, спирту много не достало до нормы. Пришлось заявить управляющему. Я получилъ жестокий нагоняй, особенно, когда сталъ просить увольненія. Тѣмъ не менѣе я настоялъ на увольненіи, опасаясь въ будущемъ непріятностей еще горшихъ. Но, вотъ, что показалось всѣмъ страннымъ и загадочнымъ: когда я сдавалъ подвалъ своему преемнику, то весь подвальный спиртъ оказался налицо. Удивился управляющій, удивились рабочіе... Я не особенно удивился, зная, *что* это было прираженіе и только могъ вздохнуть благодарной молитвой къ Богу и Пречистой...

Нашъ управляющій, Иванъ Андреевичъ Дивѣвъ, очень меня уговаривалъ не покидать службы. Хотя онъ и погорячился, было, со мной, но, какъ человекъ очень добрый и меня любившій тутъ же и раскаялся въ своей горячности. Но меня уговорить было совершенно невозможно: я былъ увѣренъ, что настало время для меня удалиться въ монастырь. Нападеніе на меня вражье въ міру, я приписалъ медлительности моей въ исполненіи даннаго уже давно обѣта, а чудесное обрѣтеніе спирта я приписалъ моей рѣшимости раздѣлаться съ міромъ. Увѣренность эта такъ во мнѣ была крѣпка, что я убѣдилъ Дивѣва въ необходимости для меня покинуть службу, чтобы въ дальнѣйшемъ и для себя, и для него не навлечь еще большихъ непріятностей, тѣмъ болѣе, что страшное видѣніе повторилось вновь и угрожало мнѣ новыми ужасами. Религіозно настроенный Дивѣвъ вынужденъ былъ со мною согласиться, когда я ему открылъ свои видѣнія, и далъ мнѣ увольненіе.

Но, независимо отъ вражьяго на меня нападенія, которое, казалось мнѣ тогда, было попущено мнѣ за мое нерадѣніе къ ис-

полненію моихъ обѣтовъ, я считалъ себя, до нѣкоторой степени, и въ нравственномъ правѣ передъ родителемъ и семьей оставить о нихъ дальнѣйшее попеченіе: на рукахъ у родителя оставались только двѣ сестры—вдова Екатерина, уже сама стремившаяся въ монастырь и малолѣтняя Поленька, которая не могла очень обременить отца, тѣмъ болѣе, что, еще когда я былъ на службѣ въ Усмани, я ему отдалъ всѣ свои сбереженія, а онъ общалъ мнѣ, когда я того пожелаю, дать увольнительное свидѣтельство на поступленіе въ монастырь.

Итакъ, разсуждалъ я: сестра Екатерина и я поступимъ въ монастырь; Поленька останется съ отцомъ, который можетъ перебиться съ своими деньгами, а братъ Иванъ, уже самъ поступившій на службу, не требуетъ попеченія; съ теченіемъ же времени и онъ можетъ занять мое мѣсто въ заботахъ о старикѣ отцѣ и малолѣтней сестрѣ.

Очень мнѣ все это тогда казалось гладко и разсудительно...

XXX.

Упомянувъ о братѣ Иванѣ, что онъ уже былъ на службѣ, я долженъ въ хронологическомъ порядкѣ своего повѣствованія отступить нѣсколько назадъ и разсказать, какимъ образомъ его поступленіе на службу состоялось. Въ неисповѣдимыхъ путяхъ Божественнаго Промысла младшему моему брату суждено было занять въ моей жизни важное мѣсто, и сама судьба его, тѣсно съ моею связанная, настолько интересна, что меня, я увѣренъ, проститъ за это отступленіе тотъ, кто еще не бросилъ до сихъ поръ чтенія моей рукописи.

Когда я служилъ еще въ землѣ Войска Донскаго и жилъ въ Раздорской станицѣ, въ числѣ служащихъ повѣренныхъ былъ моимъ товарищемъ нѣкто Ѳедоръ Михайловичъ Абрамовъ, молодой человѣкъ прекрасной наружности, рѣдко веселаго характера, притомъ нѣвецъ съ хорошимъ голосомъ и чудесный гитаристъ. Это былъ мой первый и закадычный пріятель, съ которымъ мы, что называется, жили душа въ душу. Но служить намъ съ нимъ по откупу вмѣстѣ пришлось недолго, такъ какъ отецъ его опредѣлилъ на Кавказъ, на службу къ извѣстному богачу-армянину Мирзоеву, который былъ самымъ крупнымъ поставщикомъ спирта на нашу Кавказскую армію. Это время на Кавказѣ было временемъ крупныхъ наживъ для ловкихъ дѣльцовъ—золото въ ихъ карманы лилось рѣкою, въ полномъ смыслѣ слова, безъ счета... Отъѣзжая на Кавказъ, Абрамовъ получивъ расчетъ у Рукавишникова, заѣхалъ ко мнѣ проститься въ Раздорскую, давъ для того во верстѣ крюку, и прожилъ у меня три дня. Эти три дня совмѣстной жизни насъ до того сблизили, что на прощанье мы съ нимъ обмѣнялись шейными крестами, стали

„крестовыми братьями“ и дали другъ другу клятву быть на всю жизнь, какъ братья родные. Онъ уѣхалъ послѣ того въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ скоро приобрѣлъ довѣріе своего хозяина и по комерціи сталъ немалымъ человѣкомъ.

Въ добрый часъ, какъ потомъ оказалось, мы стали съ нимъ крестовыми братьями...

Во время моеи службы въ Лебедяни, родитель мой надумалъ съѣздить изъ Балашова въ Воронежъ на поклоненіе мощамъ Святителя Митрофана и оттуда, на возвратномъ пути, привезъ ко мнѣ младшаго моего брата Ивана, которому въ то время было 16 лѣтъ. Родителю моему желательно было опредѣлить его писцомъ въ штейную контору, но я, увѣренный въ томъ, что откупа доживаютъ свой вѣкъ,—къ тому же и слухи такіе ходили,—просилъ родителя, чтобы онъ лучше опредѣлилъ Ивана къ какому-нибудь капиталисту-комерсанту, хотя бы до времени и безъ платы, чтобы только пристроиться къ крупному коммерческому дѣлу. Родитель согласился на мой совѣтъ. Брату моему это было очень непріятно, но, дѣлать нечего, пришлось подчиниться родительской волѣ... Когда они вернулись домой, къ отцу моему зашелъ въ гости нѣкто Евреиновъ, нашъ бывший согражданинъ, а въ это время житель г. Темиръ-Ханъ-Шуры, гдѣ у него была торговля. За бесѣдой выяснилось, что Евреинову нужно ѣхать въ Москву и на Нижегородскую ярмарку за товаромъ, а жену, за которой онъ пріѣхалъ, отправить изъ Балашова въ Шуру.

— „Да, вотъ, горе мое“,—жаловался Евреиновъ: „отправить-то мнѣ ее не съ кѣмъ!“

На это мой родитель предложилъ ему взять женѣ въ спутники брата Ивана...

— „Да, ужъ, кстати и взяли бы вы его къ себѣ на службу“, прибавилъ мой родитель. Евреиновъ согласился и судьба брата была рѣшена...

Такимъ образомъ, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ братъ мой очутился съ крестовымъ моимъ братомъ, Ѳедоромъ Мпхайловичемъ Абрамовымъ. Но другъ друга они не только не знали, но и о взаимномъ существованіи не имѣли никакого понятія. А, между тѣмъ, Абрамову суждено было оказать на строй жизни моего брата большое вліяніе, и встрѣча ихъ и знакомство состоялись при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Однажды Ѳедоръ Михайловичъ шелъ изъ своей конторы черезъ площадь, гдѣ торговые ряды. Въ то время въ рядахъ у дверей каждаго магазина стояли диваны, и на этихъ диванахъ отдыхали прохожіе, больше, конечно, офицеры, по пути къ главнокомандующему изъ своихъ частей, или изъ военной канцеляріи. Можно сказать, что диваны эти были мѣстомъ ихъ обычныхъ собраний, гдѣ они собирались потолковать о военныхъ или о сво-

ихъ домашнихъ дѣлахъ... Въ тотъ день, въ который состоялась встрѣча моего брата съ Абрамовымъ, у Абрамова, по дорогѣ изъ конторы къ главнокомандующему, князю Лорисъ-Меликову, потухла сигара, и онъ, подойдя къ лавкѣ, у которой стоялъ мой братъ, сѣлъ на диванъ, а братъ, замѣтивъ, что сигара потухла, подаль ему спичку. Раскуривши сигару, Абрамовъ спросить брата:

— „А ты, мальчикъ, откуда родомъ?“

— „Изъ Балашова“,—отвѣтилъ братъ.

— „Изъ Балашова?“—переспросилъ Абрамовъ: „а не знаешь ты въ Балашовѣ Ѳедора Аванасьевича Попова?“

— „Какъ не знать, когда онъ мнѣ родной братъ!“

— „Да, какъ же ты попалъ сюда?... А братъ твой гдѣ?“

— „Братъ въ монастырь ушелъ“...

— „Да вѣрно ли ты это говоришь? Неужели Ѳедоръ Аванасьевичъ тебѣ братъ?“ изумлялся Абрамовъ, не вѣря собственнымъ ушамъ.

— „Да смѣю ли я такъ нагло лгать?“ увѣрялъ его братъ.

— „И письма у тебя отъ него есть?“—допытывался Абрамовъ.

— „Не далѣе, какъ вчера, я и отъ него, и отъ родителя получилъ письма“...

— „Ну, вотъ что, братъ! Приходи ко мнѣ завтра пораньше утромъ чай пить—я чай пью рано—да приноси съ собой письмо брата: я тогда узнаю, тотъ ли это Поповъ, о которомъ мы говоримъ, а то — все бываетъ — можетъ, это только его однофамилецъ“...

Абрамовъ далъ свой адресъ брату, и на утро дѣло выяснилось, и встрѣча эта повела къ удивительной, какъ потомъ оказалось, перемѣнѣ судьбы моего брата. Добрый и вѣрный другъ Абрамовъ, обрадовавшись извѣстіямъ обо мнѣ и встрѣчѣ съ братомъ, велѣлъ ему написать немедленно письмо ко мнѣ и къ родителямъ съ просьбой разрѣшить брату перемѣнить мѣсто и поступить на службу къ другому хозяину по рекомендаціи Абрамова. Разрѣшеніе это нами было дано, и вскорѣ братъ поступилъ на службу къ одному Владимірскому комерсанту, торговавшему въ Шурѣ и нажившему во время военныхъ дѣйствій противъ Шамиля крупное состояніе. У этого купца была единственная дочь, которой и было суждено впослѣдствіи стать женою моего брата. Вотъ эта-то свадьба впослѣдствіи и развязала меня окончательно съ міромъ... Но я забѣгаю впередъ, а теперь перехожу къ разсказу о моемъ вторичномъ поступленіи въ монастырь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На добрую память о добромъ старцѣ.

Димитрій Максимовичъ ¹⁾.

Въ 40 верстахъ отъ Великаго Устюга, славнаго подвигами юродивыхъ Прокопія и Іоанна—праведниковъ, на лѣвомъ берегу Сѣверной Двины, во время весны заливаемомъ водой, находится Ярокурской Преображенскій приходъ. Кругомъ с. Ярокурья расположены возвышенности со множествомъ деревень и нѣсколькими церквами: за широкой Двиной на правомъ берегу ея высится величественный Вотложенскій храмъ, за нимъ внизъ по рѣкѣ—Михаило-Архангельскій Городецкій, недалеко отъ Ярокурья на красивой горѣ пріютился маленькій Прилуцкій Николаевскій мужской монастырь, въ 7 верстахъ находится с. Красавино, извѣстное своими полотняными фабриками, въ 4 верстахъ—большое село Приводино. Здѣсь около 1752 года родился Димитрій Максимовичъ Новосельцевъ, извѣстный Ярокурскій подвижникъ, юродивый, нашедшій себѣ послѣдній пріютъ на кладбищѣ вблизи Ярокурскаго Преображенскаго храма.

Родители Димитрія были кресьяне-половники, принадлежавшіе Устюжскому посадскому человѣку Андрею Ѳеофанову Смольникову; дѣда звали Мелетіемъ, отъ котораго за Димитріемъ и осталось прозвище Мелетичъ; отца звали Максимомъ. Максимъ Мелетіевъ въ молодые годы ходилъ на заработки въ Сибирь, гдѣ честнымъ трудомъ и бережливостью нажилъ небольшія деньги, на которыя получилъ возможность завести въ деревнѣ торговлю мелочными товарами. Въ свое время Максимъ считался у мѣстныхъ жителей человѣкомъ зажиточнымъ, хорошимъ и пользовался отъ нихъ заслуженнымъ уваженіемъ. Дочь свою Татьяну онъ выдалъ въ замужество за Котласскаго священника Іоанна Попова, а старшій сынъ его Димитрій въ юные годы былъ восприемникомъ будущаго Ярокурскаго священника Ѳеодора Петровскаго.

Благочестивые родители воспитывали Димитрія въ страхѣ Божіемъ и въ правилахъ хрістіанской жизни. Мальчика Димитрія они отдали для наученія грамотѣ приходскому діакону Тимоѳею. Горячо помолившись вмѣстѣ съ родителями прор. Науму, мальчикъ усердно принялся за часословъ и Псалтирь. Удалившійся отъ дѣтскихъ игръ, сосредоточенный и рачительный, Димитрій скоро по успѣхамъ опередилъ своихъ товарищей. Онъ допущенъ былъ до чтенія въ церкви. Съ дѣтства полюбившій св. храмъ и богослуженіе, Димитрій особенно сроднился съ нимъ теперь, когда сталъ принимать участіе въ пѣніи и чтеніи церковномъ; во всѣ воскресные и праздничные дни онъ всегда бы-

¹⁾ Жизнеописаніе составлено по лѣтописи Ярокурской церкви и рассказамъ старожильцовъ.

валъ въ приходскомъ храмѣ за службами, являясь туда до начала ихъ. Церковная молитва стала для него потребностью. Особенно сильно растрогивали душу мальчика торжественныя и продолжительныя богослуженія, напр. въ годовыя праздники. На всѣхъ нарочитыхъ торжествахъ, происходившихъ въ сосѣднихъ приходсахъ, по поводу закладки или освященія храмовъ, поднятія колоколовъ и т. п., онъ бывалъ неопустительно: ни непогода, ни разстояніе не могли удержать его, жаждавшаго насытиться радостію молитвы среди массъ вѣрующаго народа. Онъ сердцемъ полюбилъ Христа и пламенно вождѣлъ жить для Него...

18 лѣтняго юношу Димитрія родители хотѣли женить, но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Родители много не настаивали. Максимъ, занимавшійся торговлей и тѣмъ доставлявшій пропитаніе своему семейству, рѣшилъ пріучить Димитрія, какъ старшаго, къ торговлѣ, онъ поручилъ сыну продажу товаровъ въ своей лавочкѣ. Но не думавшій о мірскихъ стяжаніяхъ, а мечтавшій о сокровищахъ небесныхъ, юный Димитрій не оправдалъ надеждъ отца: онъ торговалъ въ убытокъ, товаръ покупателямъ отдавалъ ниже его стоимости, а съ бѣдныхъ вовсе не бралъ денегъ. Торговля пошла въ упадокъ и родитель отстранилъ сына отъ торговаго дѣла. Скоро старикъ отецъ умеръ. Забота о поддержаніи семейства перешла къ Димитрію, какъ старшему сыну вдовы. При его пренебреженіи къ земнымъ тлѣннымъ благамъ, семейство Новосельцевыхъ жило очень бѣдно. Мать не разъ отдавала Димитрія въ работники къ сосѣднимъ крестьянамъ, но тѣ прогоняли его ранѣе выговореннаго срока, потому что ихъ работникъ былъ очень набоженъ и не могъ удержаться, чтобы не сходить къ службѣ въ приходскій храмъ въ каждый воскресный и праздничный день. Нанялся разъ Димитрій Мелетичъ въ кучера къ одной богатой барынѣ въ г. Великомъ Устюгѣ. Усердно кучеръ исполнялъ свою должность и находился въ повиновеніи у своей хозяйки. Барыня была довольна Димитріемъ, одно тяготило ее. Выѣдутъ они въ праздникъ къ обѣднѣ въ соборъ или другую какую церковь, поравняются съ первой церковію, которая встрѣтится на пути, кучеръ сходитъ съ козелъ, встаетъ на ноги и начинаетъ креститься предъ храмомъ и молится довольно долго; продолжаютъ путь—опять церковь—а въ Устюгѣ ихъ много—Димитрій снова сходитъ съ козелъ, снова молится и такъ дѣлаетъ предъ каждою церковію, пока не довезетъ барыню до того храма, въ которомъ она имѣетъ намѣреніе стоять службу. И увѣщевала хозяйка Димитрія, и ругала всячески, ничто не помогало; она не выдержала и прогнала отъ себя богомольнаго кучера.

Будучи 20 лѣтъ, Димитрій лишился своей матери. Какъ быль, не занимавшійся крестьянствомъ, не имѣвшій ни дома, ни ремесла и потому не приносившій никакой пользы хозяину по-

садскому человѣку Смольникову, послѣднимъ нѣсколько разъ Димитрій сдаванъ былъ въ солдаты, но такъ какъ имѣлъ нѣкоторую сутулость, то на военную службу принимаемъ не былъ.

Лишившись родителей и освобожденный отъ всѣхъ земныхъ обязанностей, Димитрій отдался подвигу юродства ради Христа и этотъ подвигъ несъ до самой смерти своей въ продолженіе сорока лѣтъ.

Пристанища себѣ онъ не имѣлъ; ходилъ съ мѣста на мѣсто, изъ деревни въ деревню, но далеко отъ Ярокурья не удалялся, причемъ въ каждой деревнѣ долго не жилъ,—не болѣе недѣли, и то въ разныхъ домахъ. Являясь въ избу, Димитрій не проходилъ въ переднюю часть ея, но обычно оставался недалеко отъ порога. Крестьяне-боголюбцы радушно принимали его, но весьма многіе и гнушались юродивымъ, тѣмъ болѣе что и самъ онъ, желая терпѣть униженія и обиды, подавалъ поводъ къ тому. Онъ напр., носилъ съ собою въ пазухѣ въ худенькомъ мѣшочкѣ или въ тряпкѣ навозъ, какъ знакъ, напоминающій о ничтожности его предъ Богомъ и суетности заботъ о тѣлѣ, а въ людяхъ мірскихъ возбуждающій презрѣніе и брезгливость къ тому, кто его держалъ у своей груди. Гдѣ Димитрія не принимали, онъ, выходя изъ домовъ, отрясалъ прахъ отъ ногъ своихъ, отирая то правою, то лѣвою рукою подошвы ногъ до ста и болѣе разъ. Иногда онъ это дѣлалъ ночью, оставляя сонными хозяевъ дома, къ нему нерасположенныхъ, или пренебрегающихъ заповѣдями Господними. Замѣчали, что тѣ дома еще при жизни юродиваго разрушались или отъ пожаровъ, или отъ разливовъ рѣки Двины, или отъ ветхости; въ иныхъ домахъ скоро вымирали всѣ обитатели, и они дѣлались „выморочными“. На улицахъ деревень за Димитріемъ толпами гонялись ребятишки, всячески издѣваясь надъ нимъ. Случалось,—поймають они юродиваго въ расплохъ въ деревнѣ, или на дорогѣ отъ деревни до деревни, успѣють положить вокругъ него сзади, спереди и по бокамъ по палкѣ, такъ что онъ окажется находящимся въ квадратѣ, образуемомъ палками, и смѣются надъ нимъ, какъ онъ упрасиваетъ ихъ, переступая съ ноги на ногу, отбросить хотя одну палочку. Мальчишки швыряли въ Димитрія грязью, палками, камнями; тоже дѣлали и взрослые въ праздники, когда находились подъ хмѣлькомъ. Рабъ Божій терпѣливо и великодушно переносилъ всѣ творимыя надъ нимъ безчинства, часто ласково отшучиваясь словами: „капуски вамъ въ горлышко“.

Милостыни Димитрій Максимовичъ никогда не просилъ. Почитатели охотно дарили ему деньги и разныя вещи, но онъ не бралъ ничего въ свои руки, а совѣтовалъ деньги снести въ храмъ на свѣчи предъ иконами Господа и святыхъ Его, особенно же своего тезоименита—св. Димитрія Солунскаго, а также отдавать ихъ на поминаеніе родителей юродиваго и всѣхъ право-

славныхъ хрістіанъ, въ вѣрѣ скончавшихся. Вещи, приносимыя ему усердными почитателями, Димитрій, внимательно осматрѣвъ, велѣлъ класть подъ крыши тѣхъ домовъ, вблизи которыхъ ему случалось тогда быть. Эти вещи убирались вѣроятно впоследствии тѣми, кому онѣ были нужны. Питался Димитрій Максимовичъ у добрыхъ людей, пищи ему не много надо было. Онъ ѣлъ у своихъ знакомыхъ въ мясоясіе по три раза въ недѣлю а въ посты по два. По древнему русскому обычаю, юродивый предъ вкушеніемъ пищи умывалъ руки. Интересно исполнялъ онъ этотъ свой обрядъ. Хозяина или члена семьи того дома, гдѣ останавливался поѣсть, онъ просилъ поливать воду изъ ковша, притомъ по каплѣ, а въ это время самъ читалъ молитвы. Помогавшій невольно долженъ былъ внимать молитвамъ раба Божія. Случалось, что Димитрій Максимовичъ ошибется въ одномъ словечкѣ молитвы и снова начнетъ повторять ее съ самаго начала. Хозяинъ долженъ терпѣливо дожидаться, когда кончится умовеніе; если онъ не выдерживалъ и начиналъ сердиться, юродивый убѣгалъ изъ дома.

Вечеромъ, передъ сномъ, Димитрій Максимовичъ подолгу молился; онъ зналъ очень много молитвъ и псалмовъ наизусть, которые съ любовію читалъ. Часто дѣтишки въ тѣхъ домахъ, гдѣ ночевалъ юродивый, издѣвались надъ нимъ, всячески мѣшали молитвѣ, вскакивая ему на спину, ругая его разною бранью; но Димитрій не обращалъ вниманія на происходившее вокругъ него; сосредоточившись въ самомъ себѣ, онъ усердно творилъ свое молитвенное правило. Любилъ рабъ Божій молиться ночью: хозяева слышали ночами шепотъ, вздохи и рыданія, шорохъ при совершеніи поклоновъ и тихія, чуть-чуть произносимыя Димитріемъ восклицанія: „радуйся, Невѣсто неневѣстная“. Днемъ Димитрій Максимовичъ часто съ большимъ одушевленіемъ пѣлъ свои хвалы Господу; иногда это пѣніе было настолько задушевно и прекрасно, что казалось, сами ангелы пѣли вмѣстѣ съ нимъ. Жена крестьянина дер. Слуды Петра Манокова, Авдотья Иванова, рассказывала, какъ она, будучи еще дѣвицей, удостоилась наслаждаться сладкопѣніемъ Димитрія. Она была дочерью Приводинскаго священника, въ дому котораго нерѣдко привиталъ юродивый. „Разъ родители мои, передавала Авдотья, уѣхали изъ дома, я же занималась тканьемъ полотна; изъ комнаты я вышла въ чуланъ и когда возвращалась обратно, мнѣ слышалось какъ будто Димитрій поетъ не одинъ, а съ десятками мальчиковъ, имѣющихъ самые нѣжные пріятные голоса. Удивленная, я спрашиваю Димитрія Максимовича: съ кѣмъ ты это, дядя, пѣлъ такъ пріятно? Онъ же съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „вогъ ты и заговорила, молчи“... *(Продолженіе слѣдуетъ).*